

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ЛЬВА ПАСЫНКОВА
«ЦВЕТНАЯ ЛИХОРАДКА»

Четыре версты — по анапскому шоссе, всего до Абрау — двадцать две. Этим путем шли белые бандиты, бело-зеленые, зеленые, зелено-«розовые» и, наконец, зелено-красные. Пыль на деревьях: бумага на летних люстрах барских особняков. Пыль древней лавы на черепичных кровлях чехов, болгар, казаков, черкесов, на баштанах, огородах, виноградниках. Дорога чинится. На Анапу нет телефона, на Абрау есть. Анапское шоссе — путь в чистилище, абраусское — путь в мирный сон. «Волчьи ягоды» зашуршали, из ягод метнулся не то барсук, не то дикая собака. Одичавшая в годы боев.

Возница из красно-зеленых. Вчера утром на водопое подстрелил зверя. Что за зверь — понятия не сложет. Глаза у этого человека — жуткие телескопы в смеси с микроскопами. Видит сквозь горы дальний срезок моря. Видит пружинку из зажигалки среди цементных камней: «не иначе стець обронил, голова кизиловая»...

— Тут, знаете, бывают дикие коты. Когда красно-зеленым шамать нечего было, так они дикую кошенятину хряпали!

Медведи, лисы, кабаны, козы живут бок о бок с лучшим в мире шампанским, с шестью ярусами подвалов, с небоскребом подвалов, где вызревает благороднейшее вино — золотая валюта. Бежит скумпия. Каменные шорохи у форелевых лиманов. Каменное лассо дороги. Петлим и кружим. Возвращаемся к старому месту, но штопором вскинув тачанку и запудренных цементом коней. Греческие притулки. Аккуратные чешские сельбища. Сырое дыхание долин. На гребне перевала — металлическая яркая зелень веет малярией.

Наши кони — в гнетучке. Даже совхозские волы в Абрау болеют малярией. Абраусцы скотскую малярию называют: «шхирей».

На первом перевале — греческая деревня Васильевка, нищета непокрытая, стиснувшаяся у церковки странного вида. Народ здесь ленивый, браконьер-порубщик. Виноград у васильевцев низкорослый, слаб, без ухода.

Среди красно-зеленых живут несколько десятков китайцев. Работают в Абрау сторожами. Подле шампанских лоз китайцы окультурились. Китайской культуре не нравится греческая культура, косо шурится на васильевцев:

— Шибко мало-мала плоха крека. Крека совсем плоха.

В нескольких верстах на втором перевале чехи. Высокие сады, жирный виноград. Чешское вино не на культурных дрожжах, но все ж превосходное. Отборный скот у чехов, прекрасные огороды, отличный табак, лекарственные травы. Прочные и красивые дома. Ездят чехи в хороших экипажах, на отличных конях. Но и с чехами «приключается»: третий день наблюдаем на угорьи огромный пожар. Заночевали в лесу чехи, подожгли; горит пятнадцать, двадцать верст. Среди пламени скумпии — бежит ярчайший живой пламень. На расстоянии десятков верст трещит, колеблется воздух. Днем — дальние стволы резаны из черной бумаги. Среди них пламень — малиновые зубы легендарного дракона, зубы, по греческой сказке, засеянные на кавказских горах.

Кони сделали несколько петель. Показалась синька дальнего моря. Так и едем. То чешский пожар сунется, то сине-море. Красное и синее, синее и красное. Дорога к имению нововременского Каткова к «Северной Озерейке». Только недавно под домом Каткова, где нынче школа советских ребят, взорвалась на воде мина. Наконец, — в совхозе. Первое, что видим — электростанция. Уже вечер. В дегустационном, казармах — электричество. Поздний час — виноградная страда скрипит вагонетками. В шампанском отделении. Работа тут деликатней, хотя все больше применяются руки. Виноград шардонэ — шампанский сорт. Его давит ручной, старинный пресс. Вообще шампанское всего больше обрабатывается голыми руками. На столовых винах — электродавилка. На шампанском — руки и руки. Бутылки, бочки «коловращаются». Шампанские рабочие — у них изумительно разработанные кисти рук.

Захватил парень две толстые бутылки. В них мутово-опаловая искристость. Сделал несколько полукружных движений, согнал отстой к пробке. Шестнадцать тысяч бутылок на две рабочих руки в день. Прессы. На вершине — огромная корзина. Тихо пищит виноград в прессе.

Переворачивают лопатами; вниз течет липкая сладость ароматного сусла. Первый сок — шовэ, второй — гай, третий — рибезж. Хрустальными рюмками черпаем сусло из под сита-подстава. Светло-желтая струя в отстойниках на триста ведер объемом. Через сутки переливают. После обработки давленные веточки заливают водой: это «пикет», порционный напиток для рабочих, и на куренье спирта. Второй подвал. Выстаивается молодое вино. Всего пять этажей-подвалов, все под землей. Через две недели вино крепнет, еще не рожденное шампанское.

Устройство подвалов интересно в архитектурно-температурном смысле. Изумляет нас переход через две ступени из теплого подвала, где нет печей, в холодный. Уровень один. Но в одном 25° тепла, в другом 12. Коричневые потолки пятнисты, обросли какими-то лакейскими бакенами. Сырость ртутью — на неровных камнях. Винные гекатомбы в тонком перегаре. Электричество устало от капли. Рабочие сплошь болеют ревматизмом. Знаменитый винодел Ведель, сочинитель абраусских марок, вместе с красными, красно-зелеными, отбивался от белых бандитов. Шутит:

— Видите, работать то работают до двенадцати часов ночи. С временем не считаются, а все ж... саботажники!

Мигает на ноги рабочих — в деревянных «сабо», грубых туфлях. От ревматизма.

Долгими тоннелями. Дыхание шардонэ. Мглистая темь. Каждый тоннель — сажений на сорок в длину, всего десять тоннелей под шампанским. Верста шампанского — почище словца остряков: «аршин водки выпил». Кто выпьет версту шампанского? Тиражное отделение. Тиражные буты, бочаны с шампанским сырьем. Вино окисляется. Электрические измерители. Шампанское в бутылках. Тут фокусы рукой. Бутылки кружатся, ассимилируя угле-кислоту с винным осадком. Вино в пюпитрах. Ровно бы тут музыкальная работа. Шампанское в ремьюерах.

Минуем десять поворотов. Бочки с ликерами для сладкого. Аллеи бутылок, обросшие паутиной, промазанные меткой белой извести. Склад готовых. Вот надпись: «1913 г. 21 ноября. 5.188 полубутылок». Кончаем путь

в шампанской лаборатории, где сличают Абрау с марками всего земного шара. Увы, тут стоит самогонный аппарат; очевидно без него даже в Абрау не обойтись. Глухие жюри не раз, не два — отмечали абраусское шампанское наиболее классным. Ведель рассказывает о гекатомбах, заложенных глухими стенами при приближении белых. Выводились стены наспех. Клали ученые, красно-зеленые, большевики. Вывинчивали свет. Темно. Пьяные офицеры, с револьвером тыкались в глухие переборки. Отступали белые — опять сняты стены, декорации, опять работа. Тянулись белые из города на автомобилях, на арбах. За шампанским. Под оружием. Пьяные, расстегнутые. Матерщина плюс револьвер. Олово глаз. Тычутся в стены — глухо. Осматривают вторую серию подвалов, спасенных от белых. Здесь вызревает столовое. Виноград в эгрокуарах. С верхнего этажа сок льет в нижний. Электрический пресс давит кожуру, зерно, придает красному вину рубиновый блеск. Белое давится легче — чтобы не придать нежелательную пигментацию. Третья неделя виноградной страды. Пройдет еще две недели — сезон заготовки вин кончен.

За неделю до сбора совхозовская рабочая колония напряжена. Анализы на сахар, на кислотность. Когда виноград созрел, проверяют его органолептически, назначают сбор винограда. Отбирают сорта. Оживает бродильный отдел, холодильники Гильбо, электронасосы, медные трубы, все пять этажей. Люди — карлики среди больших чанов, точно сорвавшихся с литографии Дорэ. Крепят, ослабляют букеты, смешивают вина. Ведель смеется:

— Попробуйте оженить молодого на старухе или обратно — никакого букета не получится. А тут мешаем вина на двадцать лет разницы. В ноябре молодое вино снимают с дрожжей, весной переливают. Так год за годом. Выдержанные вина стоят в бонте-каррэ. Поглядите наш винокурный завод.

На воздухе, у бондарной. Авто загружено, под каменным обрезом стены бутылками. Мастер купажа, сочинитель марок 46 и 63 Абрау, Ведель:

— Слава абраусских французов сомнительна. Из простых манипуляций делали ревнивый секрет. Презирали рабочих, жили отчужденными. Мы

с рабочими подняли наше шампанское выше «мумма». Климатические условия Abrau таковы, что никакие вина не могут быть противопоставлены. Знаменитое вино немецкий «Иоганненсберг» типа рислинга, не всегда удается по климату. Купажи, смешение, не всегда искупают ошибки природы. Немцы определяют грузной остротой: «Драй менен вайн» — вино трех мужчин: мол, один держит другого за руки, третий насильственно вливает второму кислую бурду в рот. История абраусского рислинга: Меттерних владычествовал в Иоганненсбергере. Там были виноградники замка, «шлосса» и «дорфа», деревни. Как Меттерниха не упрашивали дать от дворцовой лозы — не дал. Только русский агроном Гендук исходатайствовал через «высокие русские круги», где было много добрых пьяниц, несколько лоз, привезенных в бочках на парусных судах.

Ходим по горкам. Узкоглазые облики китайцев у каменных подобию долменов. Виноград растет на камне. Верхние корни сосут осадки, нижние плети уходят на три сажени под камни. Чудо: светлый, сухой камень питает лоснящуюся лозу.

Проснулся утром. Распахнуты окна. Нежные голоса птиц. Меланхолические вздохи колоколов, отгоняющих птицу от виноградников. Зловонный труп орла качается на бичеве над шардонэ. Китаец — изваяние.

В этот день, и вчера, и еще неделями будут собирать с утра по ночь, всякий раз, две тысячи пудов винограда.

Со спокойных горок — телеги полные винограда. Грузовик, пахнувший бензолом, розовой сладкой шашлою. Туман — кусками марли среди гор. Фонтан пред каменным балконом отсырел, в малярном выпоте. Цемент, старые виноградники.

Когда-то у озера жили черкесы. Их мало осталось.

В сорока сторожевых пунктах — колокола. Расчесанные ряды виноградников. Мелькает ружье в розовых плетях. Плюемся кожей,

слиплись губы, аромат в ноздрях. Контора. Кожаный диван. Когда-то сидел управитель из генералов. Советский управляющий, в белой блузе, в сапогах.

Под окном два друга — наш возница, красно-зеленый и красный черкес. Глядим на черкеса, вспоминаем речь на втором областном адыгее-черкесском с'езде. Говорил беспартийный черкес Цеев: «Петр и Измаил, русский и черкес, пусть умрут вместе, обнявшись, как братья. Рабами мы были только шестьдесят лет. Чувство свободы всегда в нас. Не могли его вытравить ни волки, ни разврат, ни туберкулез, ни каторга, ни Сибирь». Вспоминаем и речь черкешенки Мелек-Ханум Мансуровой. Традиционный костюм. А речи далеки от традиций...

...До того в ауле Казет, у черкесов, за речкой Кубанью; видны трубы краснодарских заводов. Сидим среди двора, за низеньким черкесским столиком. Потчуют нас молодыми цыплятами, так густо заперченными, что еще поспорить можно: перцу ли, курятины ли больше! Подает хозяин. Стоит, не присядет. Женщины прячутся. Подошел к люльке. Спросил: «мальчик-ли, девочка-ли?». Хозяин побледнел, отвернулся. Старейшина, почетный старик черкесов, друг, подаривший старый прадедовский пистоль, Гатагогу тоже побледнел, говорит:

— Нельзя спрашивать у старшего о младшем. Обижает старшего. Нельзя спрашивать у мужа о жене.

Из серебряного кунгана — вода на пальцы. Шелестит табак на стенах, шелестит русская газета в руках. В гостях у просвещенного черкеса, а сколько суеверий! Но первым клином в суеверие — братство. «Петр обними Измаила. Измаил будь верен делу Петра».

Так вот — видим в окне, как в раме: вот — красно-зеленый «Петр» со скалящимся «Измаилом».

«Петр» этот недавно «повернулся» с Кубани, ходил «властими очима» глядеть на Жлобу. Из мещанского, хуторского утишья, налитого поверх Камышевых кровель сытостью — вынес повстанец доброе воспоминание

о «дядьке Дмитро», положившем в сторону шашку, поеденную, как зубами, червленной кровавой ржавью. Шашка в руках Дмитрия Петровича Жлобы ученая — секла, как хотела — «навскрест» и «напрямки». Сам боец среди бойцов. Командир кон. корпуса при 10 армии, командир 18 дивизии, взявшей Грузию, стал командовать советской ребятежью.

В двадцать втором вместо шашки — перо. Рука, вздутая мускулами, сработанная из холмов, побежала по бумаге. В оконце станицы Павловской «дивились хлопентя тай дивки»; глядел и заезжий с цементных гор.

Письмо Жлобы в Аджарию. Письмо в Абхазию. Письмо в Грузию. Письмо на Терек. А в ответ в голодную станицу — детишкам вагоны кукурузы, вагоны хлеба, вагоны макухи для топки. В первую неделю, сев в станице, «дядько Дмитро» собирает «по станицах» тысячу двести помирающих с голоду пацанов. «Эгей, ходить, мы вас подкормим».

Там, где топал с красной гвардией в восемнадцатом — раскинул столы с похлебкой. Леушковка, Бейусг, Ново-Дмитровка — помнят гвардию Жлобы да запомнили и хлеб Жлобы. Пшенная каша над бывалой сталью...

Об этом рассказывает нам недавний красно-зеленый, от умиления чертыхается в богов и боженят, затем бьет оглушительной ладонью о плечо черкеса:

— Вот с этим чертом в горах бузовал! «Котют» белые на автомобилях. А мы — цоп. Отстреляли. За шампанским! А с..ки не хотите? Лярвия! Господа ахвицеры. Чего только не начертовали. Поставим пулемет на горки и ну капусту шинковать.

По саду. Ошую — черкес, одесную — красно-зеленый. Словом, по слову.

Двадцать седьмого ноября 1919 года кипит «гражданка». Деникин на Кубани и Черноморьи. Здесь среди огненной парчи скумпии, среди лиан, в соседстве с шакалами появились первые красно-зеленые. Белогвардейская сводка

объявляла, что в горах-де, засели бандиты, которые скоро будут уничтожены. Зеленые уходили от нагаек озверевших белых. В лесах, в горах, у форелевых лиманов. Кучки, группы, отряды. Связи с рабочими нет, с крестьянами мало. Но связь растет. Расстраивает белогвардейский тыл. Деникин разросся, уперся тучными плечами в Харьков и Царицын, головой в Воронеж. Здесь был глубочайший тыл. Рабочие готовились. Только красно-зеленые в горах, среди цемента, шампанских лоз, среди пальм, набегали. Партизанили. Стычки с казаками. Дисциплина укрытых росла. Рабочие прислушивались к тревоге гор, к выстрелам. Шомполы, расстрелы не помогли. Красно-зеленые захватили крестьян под Геленджиком, Сочи, Туапсе, Новороссийском. Мужики уходили в горы, учились владеть оружием. И вскоре от грузинской границы по Новороссийск — зеленые, зеленые, зеленые. Шоссе, — только оно оставалось во власти белых. В горы — попробуйте-ка! Так шло полтора года. Триста красно-зеленых гонят белых, прогинают фронт на грузинской границе там, где ярко «блескотит» шашка Жлобы. Белые теряют орудия, десятки пулеметов, сотни пленными, убитыми, отступают за Туапсе. Налетом на новороссийскую тюрьму красно-зеленые освобождают политических. Под Геленджиком разбивают офицерский отряд. В двадцатом году первый отряд, вошедший в Новороссийск — красно-зеленые. Совхозский конюх был в этом отряде. Рассказ его не связан, но картинен. Есть в горах многие, ходившие партизанами. Есть документальные материалы. Когда-нибудь на Черноморьи их запишет любовная рука.

...Забрели в виноградник. Шуршит бледный цемент. Звучат колокола китайцев. Черкес слушает приятеля. Вставил кинжал за нижнюю губу, моргнул черной бровью на будку, с резиновым звуком сжал губы и плюнул: кинжал четырежды обернулся пропеллером, с язвющим бряком впился в стенку.

—Так плюем на врагов. Га!..

Неподалеку имение, дом Каткова. Вспоминаю: мина,— неизвестно чья мина, — подброшенная волной истории — подорвала дом старого шакала мракобесия. Далек чужой берег. Огромно распахнулся свой берег. Из виноградников видим синьку моря, советские пароходы. Такая спокойная ширь. Завоеванная. Там налево, в двадцатом, лезла на берег гуркосова

обезьяна, чесала вшей, стряхивала цветную гнетучку.

А Измаил обнял за шею Петра,—неумелое, стыдливое об'ятье. Измаил тоже ходил на Новороссийск, щиколку прострелили. Талия в рюмку, рука вокруг шеи урыссыга.

— Далеко видать. А солнце, какое солнце!

Измаил от восторга—козлом. Зубами вытянул кинжал, обернул, сжал в губы, раздумал и тихонько вынул, упрятал в ножны:

— Пока врага нет, кинжал отдыхает. Как плюем на врагов—знают от Сухума и до... до...

Черкес не знает названий. Не все ли равно. Лондон. Унтер-ден-Линден — город эмигрантов. Галлиполи. Париж. Цветная лихорадка уползла восвояси. С нами—море, эти горы, хлеба, баштаны, виноградники, рыбные реки, серебро, олово, уголь в горах.

Сели среди гроздий. И ртом, ртом. Насытились.

Черкес песню запел...

1925 г.